

УДК 7.01:27
ББК 87.3(2)522-685

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**«Второй после Аквината...»: Ганс Урс фон Бальтазар
о философской эстетике Вл.С. Соловьева**

Аннотация. Представлен анализ книги швейцарского философа и богослова Г.У. фон Бальтазара «Владимир Соловьев», посвященной реконструкции и интерпретации эстетического учения В.С. Соловьева. Рассматриваются основные темы сочинения Бальтазара, определяющие его структуру в соответствии с видением автора основных этапов творчества Соловьева: «Визионерство и текстуальная форма», «Логика и метафизика», «Этика и экклесиология», «Эстетика и апокалиптика». Отмечается стройность и последовательность концепции Бальтазара, логика интерпретации важнейших положений эстетики Соловьева, опирающихся на корпус его сочинений, а также на исследовательскую российскую и зарубежную литературу. Выявляются существенные характеристики рассмотрения Бальтазаром эстетики русского философа: раскрытие ее онтологических, эсхатологических и богословских аспектов. Определяются историко-философские истоки идей Соловьева, параллели и созвучия концептуальных положений эстетики Соловьева и крупнейших представителей отечественной и зарубежной философии: Платона, Плотина, Максима Исповедника, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Э. фон Гартмана. Излагается позиция Бальтазара в отношении учения Соловьева о Софии в контексте христологического и тринитарного богословия. Дается оценка сопоставления метода всеединства Соловьева с методами исследования «форм духа» у Дильтея и «форм культуры» у Шпенглера. Отмечается внимание исследователя к проблемам творческого диалога Соловьева с выдающимися русскими мыслителями Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым. Формулируются выводы о значении философско-богословской реконструкции эстетики Соловьева, осуществленной Бальтазаром, для зарубежного и российского соловьеведения.

Ключевые слова: философско-богословская реконструкция эстетики Соловьева, историко-философский контекст эстетического учения Соловьева, христологическое богословие, тринитарное богословие

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**“Second after Aquinas ...”: Hans Urs von Balthazar
on the Philosophical Aesthetics of V.S. Solovyov**

Abstract. The analysis of the book by the Swiss philosopher and theologian H.U. von Balthazar “Vladimir Solovyov”, dedicated to the reconstruction and interpretation of the aesthetic teachings of V.S. Solovyov,

is presented. The main themes of Balthazar's work are considered, defining its structure in accordance with the author's vision of the main stages of Solovyov's work: "Visionary and textual form", "Logic and Metaphysics", "Ethics and Ecclesiology", "Aesthetics and Apocalypticism". The author notes the harmony and consistency of Balthazar's concept, the logic of interpretation of the most important provisions of Solovyov's aesthetics, based on the corpus of his writings, as well as on research Russian and foreign literature. The essential characteristics of Balthazar's consideration of the aesthetics of the Russian philosopher are revealed: the disclosure of its ontological, eschatological and theological aspects. The historical and philosophical origins of Solovyov's ideas, parallels and consonances of the conceptual positions of Solovyov's aesthetics and the largest representatives of domestic and foreign philosophy: Plato, Plotinus, Maxim the Confessor, Schelling, Hegel, Schopenhauer, E. von Hartmann are determined. Balthazar's position on Solovyov's teaching about Sophia in the context of christological and trinitarian theology is presented. The assessment of the comparison of Solovyov's method of unity with the methods of studying Dilthey's "forms of spirit" and Spengler's "forms of culture" is given. The researcher's attention is noted to the problems of Solovyov's creative dialogue with outstanding Russian thinkers F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, K.N. Leontiev. The conclusions about the significance of the philosophical and theological reconstruction of Solovyov's aesthetics, carried out by Balthazar, for foreign and Russian Solovyov studies are formulated.

Key words: philosophical and theological reconstruction of Solovyov's aesthetics, historical and philosophical context of Solovyov's aesthetic teaching, christological theology, trinitarian theology

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.081-096

Заметным событием для исследователей наследия Вл.С. Соловьёва стала публикация в 2023 г. отдельной книгой в переводе на русский язык главы «Соловьёв» из второго тома обширного труда швейцарского католического теолога и религиозного философа Ганса Урса фон Бальтазара (1905–1988) *Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984*¹ («Слава Господа. Богословская эстетика. Том II: Сферы стилей»), посвященного богословской эстетике. Книга под названием «Владимир Соловьёв»² вышла в свет в издательстве Библейско-богословского института св. апостола Андрея, годом ранее полного перевода на русский язык указанного сочинения Г.У. фон Бальтазара³.

Внимание к сочинению крупнейшего мыслителя XX века, посвященного философско-богословскому учению Вл.С. Соловьёва, вполне оправданно: оно способствует введению в научный оборот трудов западных исследователей, внесших существенный вклад в осмысление наследия русского философа.

Можно согласиться с оценкой отношения Бальтазара к наследию

¹ Balthasar Hans Urs von. *Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 s.* [1].

² Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьёв: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. xviii + 143 с. [2]. (Далее в тексте статьи ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием только страниц.)

³ Бальтазар Ганс Урс фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II: Сферы стилей. Ч. 2: Мирянские стили: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2022. viii + 567 с. (гл. «Соловьёв», с. 303–380) [3].

Вл.С. Соловьева, данной профессором Олегом Давыдовым – автором «Предисловия к русскому изданию»: «Бальтазар высоко оценивал Соловьева, называя его вторым после Аквината систематическим христианским мыслителем. Соловьев стал своеобразной линзой, собравшей и преломившей все предшествующие идейные течения, а его интенсивное интеллектуальное излучение осенило всю последующую христианскую мысль» [4, с. VIII].

Труды Бальтазара хорошо известны в России, в том числе и читателям журнала «Соловьёвские исследования». Отличительную особенность восприятия Бальтазаром философского наследия Соловьева отмечает современная исследовательница О. Назарова (автор нашего журнала). В статье, посвященной анализу новейших рецепций творчества Вл.С. Соловьева в Германии, она пишет: «Бальтазар рассматривал изучение творчества Соловьева в качестве одной из задач современной католической философии, которую он понимал как философию интегративную, т.е. философию, которая должна не разделять, но интегрировать в себя все наиболее значительные явления духовной истории. К таким явлениям им был отнесен и Владимир Соловьев. Многотомное произведение Бальтазара ... было основано на методе диалога: автор вступал в диалог с теми мыслителями, которых он интегрировал в свою философию. <...> Бальтазар был одним из первых исследователей, кто начал проводить параллели между Соловьёвым и мыслителями как прошлого, так и современности. Указывая на то, что творческий гений Соловьева объединяет в себе различные аспекты, Бальтазар подчеркивает, что по глубине осуществленного синтеза Соловьев сопоставим с Фомой Аквинским» [5, с. 73].

Как «уникальное исследование христианской эстетики» характеризует сочинение Бальтазара авторитетный исследователь русской теургической эстетики В.В. Бычков, отмечая также, что оно «чем-то созвучно Соловьёву»⁴.

Чем же примечательны главы этого обширного сочинения Бальтазара, посвященные В.С. Соловьёву? Прежде всего отметим, что автор исследует богословскую эстетику в широком историко-философском и культурном контексте, обращаясь к наследию Данте, Хуана де ла Крус⁵, Паскаля⁶, И.Г. Гамана⁷, Ш.П. Пеги⁸ и других христианских мыслителей, в числе которых и Вл.С. Соловьев – «единственный русский писатель, оставивший нам эстетическую систему»⁹. Важной особенностью подхода Бальтазара к исследованию эстетики рус-

⁴ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 56 [6].

⁵ Хуан де ла Крус (также известен как Иоанн Креста (1542–1591)) – испанский католический священник, мистик и монах-кармелит, католический святой, писатель и поэт.

⁶ Паскаль Блез (1623–1662) – французский религиозный философ, ученый, писатель, писатель-моралист, создатель своеобразной «философии сердца» и философской антропологии.

⁷ Гаман Иоганн Георг (1730–1788) – немецкий писатель, метафизик, мыслитель-мистик.

⁸ Пеги Шарль Пьер (1873–1914) – христианский мыслитель, французский философ-мистик, поэт и публицист.

⁹ См.: Herman Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre // Solov'ev V.S. Crise de la philosophie occidentale / trad. et introduction Maxime Herman. Paris: Aubier - Montaigne, 1947. С. 137 [7].

ского философа является также то, что он рассматривает ее в контексте всей его философской системы, учитывая влияния, испытанные Соловьевым, параллели и созвучия его учения с христианской мыслью XIX и XX вв.

Следуя соловьевской идее синтеза Истины, Добра и Красоты, соответствующих трем Ипостасям Божественной Троицы, Бальтазар выстраивает свою интерпретацию философско-богословского учения русского мыслителя, последовательно излагая ее в главах «Логика и метафизика», «Этика и экклезиология», «Эстетика и апокалиптика». Этим разделам книги предшествует обстоятельное историко-философское введение (первая глава сочинения – «Визионерство и текстуальная форма»), в котором дается характеристика специфики философствования Соловьева и анализируются философско-богословские источники и исследовательская литература, привлекавшиеся им в ходе построения своей системы. Уже в этой главе обнаруживается широчайшая эрудиция Бальтазара, отсылающего читателей к многочисленным источникам, а также к российским и западноевропейским исследованиям философии Соловьева.

С первых страниц своей книги Бальтазар подчеркивает укорененность мысли Вл.С. Соловьева в мировой философии: «Владимир Соловьев – преемник всех предшествующих ему веяний: французской революции, немецкого идеализма, гегелианской левизны с Фейербахом и Марксом, позитивизма Конта, эволюционизма Дарвина, сверхчеловечества Ницше, новомодного пессимизма Шопенгауэра в его законченной форме у Эдуарда фон Гартмана» (с. 3–4). В сочинениях русского мыслителя, утверждает Бальтазар, «конфессиональная дискуссия расширилась до вселенских масштабов и превратилась в диалог между Востоком и Западом, Византией-Москвой и Римом: великая схизма вновь приобретает непосредственную актуальность, ее богословский смысл подвергается переосмыслению» (с. 5–6). Этим новым масштабам проблемного поля соответствует высота теоретического анализа, в мировой философии «не достигавшаяся со времен Гегеля». Бальтазар характеризует построения Соловьева как наиболее универсальную интеллектуальную конструкцию Нового и Новейшего времени и всеохватывающую философию христианского универсализма¹⁰, включающего эстетику становления Бога в мире.

В построении эстетической системы Соловьев, по мнению Бальтазара, опирается на гегелевские принципы универсализма и развития. Они определяют содержание эстетики Соловьева, представляющей собой «эсхатологически-прогрессивное воплощение божественной идеи в мировой реальности» (с. 10). Однако, в отличие от Гегеля, акцентирующего внимание на диалектике, «транцендирующей всякую конечную форму ради достижения абсолютного духа», Соловьев стремится к интеграции «всех частичных точек зрения и форм реализации в органической всеобщности» (с. 11). Эта специфическая особенность философского мышления Соловьева – «одного из величайших в истории мысли ма-

¹⁰ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 6.

стеров упорядочения и интеграции»¹¹, умевшего выявить положительное начало и в античном гнозисе, и в материализме Нового времени, дает блестящий результат, в котором «не остается ни следа компиляции или эклектики»¹². Такова высочайшая оценка оригинальности творчества Соловьева, отсылающая нас к известному сочинению С.Н. Булгакова «Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева?». В этой статье, опубликованной в 1903 г. в журнале «Вопросы философии и психологии», С.Н. Булгаков писал: «... нет ни одного великого философского и религиозного учения, которое не вошло бы как материал в эту многогранную систему: философия греков, находящая свое историческое завершение в Плотине и неоплатониках, буддизм и христианство, каббалистическая философия – всему отведено свое место. В этом смысле система Соловьева есть самый полновзвучный аккорд, какой только когда-либо раздавался в истории философии» [8, с. 53–54].

Очерчивая круг источников, питавших мысль Соловьева, Бальтазар называет индийскую философию, создавшую «первое учение о всеединстве», философские учения Платона, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана. Важным является его замечание об эволюции отношения Соловьева к учению Платона, который не смог разгадать, что же «собственно означает “рождение в красоте”»¹³. Бальтазар солидаризируется с утверждением Соловьева, что только в христианстве «силою богочеловеческой личности» «идеальный космос Платона превращается в живое и деятельное царство Божие»¹⁴.

Исключительно важным является указание Бальтазара на рецепцию в творчестве Вл.С. Соловьева философско-богословского наследия выдающегося представителя греческой патристики Максима Исповедника¹⁵, «который систематически основывает всю природную и сверхприродную реальность мира на халкидонском догмате, то есть на синтезе между Богом и человеком во Христе» (с. 18). Вырастающая из учения Максима Исповедника и усвоившая «динамический компонент немецкого идеализма» соловьевская концепция Богочеловечества образует фундамент философско-богословской эстетики русского мыслителя.

Метод всеединства Соловьева, как отмечает Бальтазар, «ушел далеко вперед», «по сравнению с методом эйдетической классификации Дильтея (формы духа)», Шпрангера (формы жизни) и Шпенглера (формы культуры). Его особенность в том, что «он анализирует отдельные формы только в рамках целого и только для того, чтобы они принесли плод внутри него» (с. 20). Ха-

¹¹ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ См.: Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 9. С.-Петербург, 1913. С. 228 [9].

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Исторические дела философии // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 2. С.-Петербург, 1911. С. 408 [10].

¹⁵ О восприятии наследия Максима Исповедника В.С. Соловьевым см.: Максимов М.В. Владимир Соловьев и Максим Исповедник: метафизика и богословие любви. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 31–46 [11].

рактизуя место в мировой философской мысли и значение творчества Соловьева, Бальтазар подчеркивает, что русский философ «преодолеваем монадический идеализм системы» Гуссерля, помещая «всю теоретическую философию в контекст соотношения с этикой ... и свободой», обнаруживает «удивительное родство с Шелером», ... «приближается к Фрейдю», предвосхищает «систему Тейяра де Шардена» (с. 21).

Значительное внимание Бальтазар уделяет осмыслению софиологии Соловьева, становление которой явилось результатом очищающего усвоения «западной софиологии в ее метаморфозах от Валентина через Каббалу к ее барочным апологетам Бёме, Гихтелю, Пордеджу, Розенроту, Арнольду, Сведенборгу и Францу фон Баадеру» (с. 25). Итог этого усвоения – учение о Софии, вечно-женственном в мире, вечной возлюбленной Бога, сущности мира.

В целом, пишет Бальтазар, «достижение Соловьева для его современности состояло в том, что ему настолько, насколько это было возможно, удалось впитать каждый мировоззренческий путь и каждое направление мысли» (с. 22). Этот универсализм Соловьева не умалял его одиночества как в России, так и на Западе, хотя, как отмечает швейцарский католический теолог и философ, в России его связывали прочные отношения с самыми выдающимися современниками: Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым. Именно встреча с Леонтьевым – «разочарованным романтиком» (Г.В. Флоровский) – оказалась, как пишет Бальтазар, «судьбоносной: об эту скалу разбилась его решительная вера в прогресс» (с. 32). В оценке влияния Леонтьева на Соловьева Бальтазар солидарен с выводами немецкого исследователя Лудольфа Мюллера: Леонтьев подтолкнул Соловьева к выводу, «что исторические пути не ведут напрямую в Царство Божье», но проходят через последнее разоблачение антихриста, скрывающегося под масками добра и христианского благочестия¹⁶. Именно этот конфликт между прогрессом и апокалипсисом, подчеркивает Бальтазар, «накладывает свою печать на эстетику Соловьева» (с. 33). В итоге в эсхатологический огонь погружается вся его система, заключает Бальтазар, в сущности повторяя утверждение Л. Шестова, что «между “Тремя разговорами” и тем, что Соловьев писал раньше, лежит ничем не заполнимая пропасть»¹⁷. Вряд ли такое категоричное суждение отражает действительную эволюцию Соловьева, никогда не отказывавшегося от христианских идеалов. Эсхатология Соловьева скорее условная, на что обращали внимание исследователи его творчества¹⁸.

¹⁶ Muller Lüdolf. Wladimir Solowjew, Übermensch und Antichrist: Über das Ende der Weltgeschichte. Herder-Bücherei, 1958. No 26. S. 148–149 [12].

¹⁷ См.: Шестов Л. Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // Современные записки. 1927. № 33. С. 285 [13].

¹⁸ См.: Гальцева Р. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева», г. Москва, 23–24 сент. 1992 г. М., 1993. С. 61–67 [14]; Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 342 с. [15]; Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82 [16].

Целостный характер философии Вл.С. Соловьева, сохранявшийся на протяжении всех периодов его творчества, отмечает С.И. Гессен: «...Соловьев сразу начинал с системы, с изображения целого своего мировоззрения. С течением времени и опыта первоначальная схема его обрастала плотью, конкретным материалом. Под тяжестью последнего она выгибалась впоследствии в разные направления, но в основе своей оставалась прежней» [17, с. 295]. В полной мере это относится и к эстетике Соловьева, у которого, как отмечает Н.А. Бердяев, на протяжении всех периодов творчества «было подлинное видение красоты всеединства» и он «всю жизнь жаждал преображения космоса в красоту»¹⁹. «Эстетическая система ... как бы растворена в онтологии», – замечает Н.В. Мотрошилова, говоря об эстетической системе Соловьева²⁰. Современный исследователь теургической эстетики Вл. Соловьева В.В. Бычков справедливо замечает, что «целостная эстетическая система» философа «хорошо вычитывается из корпуса его текстов»²¹.

Первая глава сочинения Бальтазара завершается утверждением, что «провал плана объединения церкви» заставляет Соловьева обратиться к нравственной философии – «последнему системному проекту», воплотившемуся в «Оправдании добра», и приводит мыслителя к осознанию того, что «все ведет к эстетике»²².

Эстетическая концепция Соловьева представлена уже в его ранних сочинениях. Как убедительно показал Б.В. Межуев в статье «К проблеме поздней “Эстетики” В.С. Соловьева»²³, этот проект является органической частью всей философской системы Соловьева и основы его заложены уже в ранних сочинениях философа. Эстетическое учение Вл.С. Соловьева укоренено в его метафизической системе философа: «... благо и красота суть то же самое, что и истина, но только в модусе воли и чувства, а не в модусе представления» [21, с. 287]. Это обстоятельство принималось в расчет уже Е.Н. Трубецким²⁴ и Э.Л. Радловым²⁵. И в современных исследованиях анализу онтологических предпосылок философской эстетики Вл. Соловьева уделяется первостепенное внимание. Так, Н.А. Кормин подчеркивает, что «всеединство ... задает единую этико-эстетическую ценность, в рамках которой пребывает и предельная красота, возможная в онтологии мира, –

¹⁹ См.: Бердяев Н. Владимир Соловьев и мы // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 63. С. 369–370 [18].

²⁰ См.: Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 95 [19].

²¹ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. С. 58.

²² См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 37–38.

²³ См.: Межуев Б.В. К проблеме поздней «Эстетики» В.С. Соловьева // Исследования по истории русской мысли / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1998. С. 257–284 [20].

²⁴ См. гл. XXV «Эстетика» сочинения Е.Н. Трубецкого «Мирозерцание Вл.С. Соловьева»: Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М.: Медимум, 1995. 622 с. [22].

²⁵ См.: Радлов Э.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. С.-Петербург: Образование, 1913. С. 221 [23].

его божественное преображение»²⁶. «Мы должны, – пишет Соловьев, – определить красоту как *преображение материи через воплощение в ней другого, сверх-материального начала*» [25, с. 41]²⁷.

Метафизические основания эстетики Соловьева анализируются Бальтазаром во второй главе книги – «Логика и метафизика». Следуя традиции христианского гнозиса, отмечает автор, Соловьев помещает в центр своей эстетической системы учение о Софии и согласовывает его с христологическим и тринитарным богословием. Подступы к этому учению Бальтазар обнаруживает уже в магистерской диссертации Соловьева «Кризис западной философии» (1874 г.). Критикуя эмпиризм и рационализм, отмечает автор, философ «черпает вдохновение» в учениях Лейбница, Шеллинга и Шопенгауэра, приходя в итоге к трем метафизическим постулатам: (1) «необходимо принимать достижения современной философии в понимании космического процесса в его двойной форме – космологической и исторической» как «вочеловечивание и обожение» (с. 50). Субъектом этого процесса на последовательных этапах являются «мировая душа, мировая воля, человечество и, наконец, “София”»; (2) значимость этого последнего обстоятельства состоит в том, что отделенность Бога от космического процесса оставляет место для отношений любви как благодати и откровения Бога в человеке; (3) что это является основанием полноты бытия (быть Богом) за пределами Бога²⁸.

В последующих работах – «Философские начала цельного знания» (1877 г.) и «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1880 гг.), отмечает Бальтазар, Соловьев развивает и дополняет эти основополагающие постулаты. Отталкиваясь от утверждения Соловьева, что «в выхождении за пределы самого себя Бог есть Добро, в познании самого себя он есть Истина, в ощущении самого себя он есть Красота» (с. 56), Бальтазар обращается к рассмотрению основ учения философа о Софии, являющейся, как отмечал А.Ф. Лосев, «художественным выражением философии всеединства»²⁹.

Во второй главе своего сочинения Бальтазар предпринимает попытку реконструкции метафизических оснований представлений Соловьева о человеке-художнике как проводнике божественной воли и свободном творце, что в действительности является «полной актуализацией Богом самого себя в другом»³⁰.

Реконструкция Бальтазаром метафизических оснований эстетики Соловьева включает интерпретацию ряда важнейших тем его философско-богословского

²⁶ См.: Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьева. Ч. II. Онтологические предпосылки. М.: ИФ РАН, 2004. С. 94 [24].

²⁷ Глубокое исследование по этой проблеме см.: Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter / Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p. [26]. См. рецензию на книгу Оливера Смита: Межуев Б.В. Рец. на: Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter / Academic Studies Press. Boston, 2011, 308 p // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 190–193.

²⁸ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 50–51.

²⁹ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 259 [27].

³⁰ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 56.

учения: вопрос о красоте – «лежит ли красота с точки зрения стремящейся к ней реальности в области идеального бытия или же идеальное изначально включает в себя реальное»³¹; София как божественная субстанция, последовательно воплощающаяся в мире и приводящая его, достигая ступени идеального человечества, к все более совершенному единству; нераздельность комплекса «творение-самостоятельность-грехопадение», с одной стороны, и «мировая душа и космический процесс», с другой; свобода человека как результат вочеловечения мировой души; космический процесс как София в своем становлении; свобода хаоса; тема кенозиса – взаимного жертвенного акта Бога в человеке и человека в Боге. Эта последняя тема, с точки зрения Бальтазара, «имеет решающее значение для богословия и богословской эстетики Соловьева» (с. 86). В акте кенозиса, утверждает Бальтазар, «человек освобождается от всех форм своей греховной изоляции ради всеединства, которое присутствует в нем уже не как чисто абстрактная форма мысли ..., а как реальная полнота, которая, однако, возможна только как ответная любовная самоотдача предвечному Отцу» (с. 86).

Бальтазар интерпретирует указанные выше темы философско-богословского наследия Соловьева в сопоставлении с учениями Августина, Максима Исповедника, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, что, безусловно, является важным достоинством сочинения швейцарского философа.

Реконструкция Бальтазаром эстетики Соловьева последовательна и логична. Духовный человек, воспринявший божественно-космическое всеединство, пишет Бальтазар, становится проводником божественной воли и свободным творцом, посвящающим себя «делу спасения, царству Божьему в становлении, которое есть церковь» (с. 88). Третья глава книги («Этика и экклезиология») посвящена анализу представлений Соловьева о пути воплощения абсолютного идеала, Бога. Этот путь представляет собой путь нравственного совершенствования, достижения богочеловеческого единения, что возможно только в лоне Церкви.

Значительное внимание Бальтазар уделяет анализу нравственной философии Соловьева, изложенной в «Оправдании добра». Исследователь отмечает, что в этом сочинении «Соловьев, как обычно, выстраивает свою систему в оптике конечной интеграции всеединства» (с. 94).

В качестве важнейших Бальтазар выделяет вопросы о смысле жизни, о первичных данных нравственности, из которых «рождается космос добродетелей и обязанностей, всечеловеческое ... сообщество, церковь или царство Божье» (с. 94)³². «Этот процесс интеграции человечества в царство Божье с при-

³¹ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев...С. 57.

³² Бальтазар отмечает отличие трактовки samozаконности нравственности у Соловьева от позиции Канта: «Бог и душа суть не постулаты нравственного закона, – пишет Соловьев, – а прямые образующие силы нравственной действительности» (см.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 8. / под ред. С.М. Соловьева и

ходом Христа, – подчеркивает Бальтазар, – необходимо связан с реальностью церкви» (2, с. 97).

Учение Соловьева о церкви Бальтазар излагает, опираясь на его важнейшие сочинения: «Духовные основы жизни» (1882–1884 гг.), «Великий спор и христианская политика» (1883 г.), «История и будущность теократии» (1885–1887 гг.), *Saint Vladimir et l'Etat Chrétien* (1888 г.)³³, «Россия и Вселенская Церковь» (1889 г.).

Обосновывая представления русского философа о догматическом развитии церкви, Бальтазар особое внимание уделяет учению Соловьева «о необходимости отношений взаимного проникновения между неизменностью [церковных] структур и их живым развитием» (с. 104–105). Как «блестящую апологию» Рима и Вселенских соборов Бальтазар характеризует полемику Соловьева со славянофилами, относя ее по «ясности, выразительной силе и тонкости» к «шедеврам церковного богословия» (с. 106–107). В целом Бальтазар взвешенно относится к вопросу об известных католических симпатиях Соловьева. «Сам Соловьев, – пишет Бальтазар, – не воздерживается от критики Римской церкви, но только для того, ... чтобы утвердить принцип Петра во всей его чистоте и безусловности» (с. 110). Вместе с тем Бальтазар указывает на суровые обличения Соловьевым «вещественного господства» и «абстрактного клерикализма» Рима, который закономерно вел к протестантизму. Урок, который необходимо извлечь из двух «великих схизм» – восточно-христианской и протестантской, состоит в том, считает Бальтазар, чтобы воссоединить три ветви христианства – католичество, православие и протестантизм. Таким образом, швейцарский богослов солидаризируется с позицией Соловьева, обоснованной в указанных выше сочинениях. Бальтазар пишет: «Для ясного и структурированного ума Соловьева экуменическая задача примирения отчужденных и враждебно настроенных друг к другу церквей представлялась самоочевидной и требовавшей немедленного действия» (с. 114). С этим утверждением исследователя вполне можно согласиться: лично Соловьев принес исповедание веры перед Римской церковью, но Бальтазар явно преувеличивает, когда утверждает, что это было сделано Соловьевым «от всех русских».

Рассмотренная нами глава «Этика и экклесиология» сочинения Бальтазара является важным этапом на пути философско-богословской реконструкции эстетики Соловьева. По замыслу Бальтазара, человек-художник как проводник божественной воли и свободный творец формируется в лоне Церкви, ведущей человечество к царству Божьему. Так задается эсхатологическая перспектива эстетики русского философа. Этот аспект рассматривается Бальтазаром в главе «Эстетика и апокалиптика».

Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 187 [28].

³³ Пер. на рус. яз. «Владимир святой и христианское государство» (1913 г.).

Отмечая, что соловьевская эстетика, которая «должна была увенчать дело всей его жизни, так и осталась ненаписанной», Бальтазар тем не менее дает ее эскиз, фиксируя наиболее значимые черты: «это должна была быть эстетика, объединяющая в себе “реализацию добра” (оформление идеи) и полноту истины (актуализацию идеального, достойного быть), тем самым учение об апокалипсисе, об откровении царства Божьего, полном вочеловечивании и “обмирщении” Бога» (с. 121).

Интерпретацию содержания «универсальной эстетики» Соловьева Бальтазар предваряет замечанием о том, что «в эстетическую панораму Соловьева» в последние годы его жизни «вторгается сила, которая, всегда латентно присутствуя, никогда не воспринималась всерьез». Это – сила зла, которая «вместе с силами добра нога в ногу шагают по тропам истории» (с. 122). В связи с этим Бальтазар подчеркивает, что Соловьев даже в период интенсивной веры в прогресс «в своей эсхатологической эстетике никогда не терял из виду воскресение мертвых и что все эстетическое в природе и искусстве для него было только прообразом мира воскресшего» (с. 124).

Бальтазар, указывая на онтологический характер эстетики Соловьева, отмечает, что уже в черновиках к «Философским началам цельного знания» (1877 г.) и в «Критике отвлеченных начал» (1880 г.) философ утверждает, что «осуществление всеединства во внешней действительности, его реализация или воплощение в области чувствуемого, материального бытия есть абсолютная красота»³⁴, «она столь же мало “дана”, как и всеединство, но “задана” человечеству, и человеческое искусство есть средство для ее воплощения» (с. 125–126). Искусство как «создание пластических форм или материализация духовных сущностей», по Соловьеву, есть теургия³⁵, реализация идеала. Утверждая такое понимание искусства, пишет Бальтазар, «Соловьев становится ожесточенным противником классической идеалистической эстетики, согласно которой красота может быть “только” феноменом, а не реальностью» (с. 126). В связи с этим Бальтазар указывает на различие позиций Соловьева, с одной стороны, и Данте, Гёте, Гегеля, с другой. Как противник *l'art pour l'art*, «Соловьев приветствовал обращение к литературному реализму, даже в его материалистической форме, какую он принял у Чернышевского», пишет Бальтазар (с. 127–128).

По Соловьеву, отмечает Бальтазар, идея красоты, будучи реальной в самом Боге, должна быть воплощена во всеедином бытии, «когда, во-первых, частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою; когда, во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе; когда, наконец,

³⁴ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 3 / отв. ред. Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2001. С. 315 [29].

³⁵ См.: Соловьев В.С. Мистика. Мистицизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. С. 455.

в-третьих, эта всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе» [30, с. 79–80].

В сочинении Соловьева «Красота в природе» (1889 г.) Бальтазар выделяет «мысль о том, что идея процесса, позволяющая красоте постепенно и с драматическими неудачами ... совершенствоваться как свободному и живому организму, создает основу для эсхатологической надежды на славу для всего космоса в его внутреннем развитии» (с. 131–132). Указание на эсхатологический характер эстетики Соловьева Бальтазар обнаруживает и в сочинении «Общий смысл искусства» (1890 г.): подлинное художественное произведение есть не что иное, как *«всякое ощутительное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира»* [30, с. 85]. В этом контексте швейцарский философ интерпретирует и учение Соловьева о любви, в котором любовь между мужчиной и женщиной рассматривается как «центральное теургическое искусство»: любящий «видит идеал, который и есть подлинная реальность». В этом, по Соловьёву, начало «видимого восстановления образа Божия в материальном мире»³⁶. Так, отмечает Бальтазар, Соловьёв «позволяет силе (платоновского) эроса влиться в силу агапе из Нагорной проповеди» ..., подчиняя модель андрогинного эроса двойной норме и прототипу взаимоотношений Бога с миром и с божественной Софией, с одной стороны, Христа с церковью и с воплощенной Софией, с другой» (с. 137–138).

Представленная в книге Бальтазара философско-богословская реконструкция эстетики Соловьева является важным вкладом в изучение эстетического учения Соловьёва. Эстетическая концепция русского философа рассматривается в контексте всей его философии – философии всеединства. К исследованию привлечена богатейшая литература – и важнейшие сочинения Соловьева, и исследования российских и зарубежных авторов. Как часть обширного сочинения Бальтазара, посвященного богословской эстетике, разрабатывавшейся христианскими мыслителями, книга о Соловьёве – «втором после Аквината» философе-систематизаторе – представляет значительную интеллектуальную ценность. Эта уникальность заключается, на наш взгляд, в том, что сочинение Бальтазара конгениально замыслу русского философа, разрабатывавшего религиозную теорию прекрасного. Теургическая эстетика Соловьева зовет к преображению жизни на религиозных началах. В этом он видит предназначение искусства, которое должно стать *«реальной силой, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир»*³⁷.

³⁶ См.: Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 7. С.-Петербург, 1911. С. 27–60 [31].

³⁷ Соловьёв Вл. Три речи в память Достоевского. Первая речь // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 3. С.-Петербург: Просвещение, 1912. С. 189 [32].

Не менее значимо и то, что книга свидетельствует о высоком уровне освоения философии Соловьева в западном соловьевоведении, и, конечно же, она будет полезной всем исследователям наследия русского мыслителя.

Список литературы

1. Balthasar Hans Urs von. Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 s.
2. Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. xviii + 143 с.
3. Бальтазар Ганс Урс фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II: Сферы стилей. Часть 2: Мирянские стили: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2022. viii + 567 с.
4. Давыдов О. Предисловие к русскому изданию // Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. С. VII–XVII.
5. Назарова О. Новейшие рецепции творчества Вл. Соловьева в Германии: Петер Элен // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 69–82.
6. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
7. Herman Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre // Solov'ev V.S. Crise de la philosophie occidentale / trad. et introduction Maxime Herman. Paris: Aubier – Montaigne, 1947. P. 5–157.
8. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. I (66). С. 52–96.
9. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 9. С.-Петербург, 1913. С. 194–241.
10. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 2. С.-Петербург, 1911. С. 399–413.
11. Максимов М.В. Владимир Соловьев и Максим Исповедник: метафизика и богословие любви. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 31–46.
12. Muller Lüdolf. Wladimir Solowjew, Übermensch und Antichrist: Über das Ende der Weltgeschichte. Herder-Bücherei, 1958. 160 s.
13. Шестов Л. Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // Современные записки. 1927. № 33. С. 270–312.
14. Гальцева Р. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева». Москва, 23–24 сент. 1992 г. М., 1993. С. 61–67.
15. Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 242 с.
16. Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82.
17. Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 271–305.
18. Бердяев Н. Владимир Соловьев и мы // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 63. С. 368–373.
19. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. 477 с.
20. Межуев Б.В. К проблеме поздней «Эстетики» В.С. Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1998. С. 257–284.
21. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 2 / сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2000. С. 185–308.

22. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьёва. Т. 2. М.: Медиум, 1995. 622 с.
23. Радлов Э.Л. Владимир Соловьёв: Жизнь и учение. С.-Петербург: Образование, 1913. 266 с.
24. Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьёва. Ч. II. Онтологические предпосылки. М.: ИФ РАН, 2004. 213 с.
25. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 6. С.-Петербург, 1911. С. 33–74.
26. Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter, Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p.
27. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
28. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. Т. 8 / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. VII – 722.
29. Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 3 / отв. ред. Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2001. С. 7–360.
30. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 6. С.-Петербург, 1911. С. 75–90.
31. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 7. С.-Петербург, 1911. С. 3–60.
32. Соловьёв Вл. Три речи в память Достоевского. Первая речь // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 3. С.-Петербург: Просвещение, 1912. С. 186–223.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's Life drama], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 9* [Collection of works. Vol. 9]. Saint-Petersburg, 1913, pp. 194–241.
2. Solov'ev, V.S. Istoricheskie dela filosofii [Historical affairs of philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collection of works. Vol. 2]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 399–413.
3. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 6* [Collection of works. Vol. 6]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 33–74.
4. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya v 15 t., t. 3* [Complete collection of works and letters in 20 vols. Works in 15 vols., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 7–360.
5. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 6* [Collection of works. Vol. 6]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 75–90.
6. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of goodness. Moral philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 8* [Collection of works. Vol. 8]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. VII – 722.
7. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [Sense of Love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 7* [Collection of works. Vol. 7]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 3–60.
8. Solov'ev, Vl. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo. Pervaya rech' [Three speeches in memory of Dostoevsky. The first speech], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collection of works. Vol. 3]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1912, pp. 186–223.

9. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya v 15 t., t. 2* [Complete collection of works and letters in 20 vols. Works in 15 vols., vol. 2]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 185–308.

Individual Works

10. Bal'tazar, Gans Urs fon. *Vladimir Solov'ev (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Vladimir Solovyov (Ser. "Modern theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2023, xviii + 143 p.

11. Bal'tazar, Gans Urs fon. *Slava Gospoda. Bogoslovskaya estetika. T. II: Sfery stiley. Chast' 2: Miryanskie stili (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Thank the Lord. Theological aesthetics. Vol. II: Spheres of styles. Part 2: Lay Styles: (Ser. "Modern theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2022, viii + 567 p.

12. Davydov, O. Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition], in Bal'tazar, Gans Urs fon. *Vladimir Solov'ev (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Vladimir Solovyov: (Ser. "Modern Theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2023, pp. VII–XVII.

13. Balthasar, Hans Urs von. Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 p.

14. Herman, Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre. Solov'ev, V.S. Crise de la philosophie occidentale. Paris: Aubier–Montaigne, 1947, pp. 5–157.

(Articles from Scientific Journals)

15. Berdyaev, N. Vladimir Solov'ev i my [Vladimir Solovyov and us], in *Sovremennye zapiski*, 1937, book 63, pp. 368–373.

16. Bulgakov, S.N. Chto daet sovremennomu soznaniyu filosofiya Vladimira Solov'eva? [What does Vladimir Solovyov's philosophy give to modern consciousness?], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1903, book I(66), pp. 52–96.

17. Gacheva, A.G. Filologiya na sluzhbe filosofii: Opyt analiza «Treh razgovorov» Vladimira Solov'eva [Philology in the service of philosophy: The experience of analyzing Vladimir Solovyov's "Three Conversations"], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 2(26), pp. 50–82.

18. Gessen, S.I. Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo i Vl. Solov'eva [The struggle of utopia and autonomy of goodness in the worldview of F.M. Dostoevsky and V. Solovyov], in *Sovremennye zapiski*, 1931, vol. 45, pp. 271–305.

19. Maksimov, M.V. Vladimir Solov'ev i Maksim Ispovednik: metafizika i bogoslovie lyubvi. Stat'ya pervaya [Vladimir Solovyov and Maxim the Confessor: metaphysics and theology of love. The first article], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 1(65), pp. 31–46.

20. Nazarova, O. Noveyshie retseptsii tvorchestva Vl. Solov'eva v Germanii: Peter Elen [The latest receptions of V. Solovyov's creativity in Germany: Peter Helen], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 3(51), pp. 69–82.

21. Shestov, L. Umozrenie i apokalipsis (Religioznaya filosofiya Vl. Solov'eva) [Speculation and the apocalypse (Religious philosophy of V. Solovyov)], in *Sovremennye zapiski*, 1927, no. 33, pp. 270–312.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Gal'tseva, R. Uslovnaya eskhatologiya Vladimira Solov'eva [Conditional eschatology of Vladimir Solovyov], in *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma po tvorchestvu Vl. Solov'eva «Eskhatologiya Vl. Solov'eva». 23–24 sent. 1992 g., g. Moskva* [Proceedings of the II International Symposium on the work of V. Solovyov "Eschatology of V. Solovyov". September 23–24, 1992, Moscow]. Moscow, 1993, pp. 61–67.

23. Mezhuiev, B.V. K probleme pozdney «Estetiki» V.S. Solov'eva [On the problem of the late “Aesthetics” of V.S. Solovyov], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1998 god* [Research on the history of Russian thought. Yearbook for 1998]. Moscow: OGI, 1998, pp. 257–284.

(Monographs)

24. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgical aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

25. Kormin, N.A. *Filosofskaya estetika Vladimira Solov'eva. Ch. II. Ontologicheskie predposylki* [Philosophical aesthetics of Vladimir Solovyov. Part II. Ontological prerequisites]. Moscow: IF RAN, 2004. 213 p.

26. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.

27. Maksimov, M.V. *Vladimir Solov'ev i Zapad: nevidimyy kontinent* [Vladimir Solovyov and the West: the Invisible continent]. Moscow: Prometey, 1998. 242 p.

28. Motroshilova, N.V. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. Solov'ev, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov)* [The thinkers of Russia and the philosophy of the West (V. Solovyov, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov)]. Moscow: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 477 p.

29. Radlov, E.L. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov: Life and teaching]. Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1913. 266 p.

30. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie Vl.S. Solov'eva. T. 2* [Worldview of V.S. Solovyov. Vol. 2]. Moscow: Medium, 1995. 622 p.

31. Muller Lüdolf, Wladimir Solowjew, *Übermensch und Antichrist: Über das Ende der Weltgeschichte*. Herder-Bücherei, 1958. 160 p.

32. Smith, O. *Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter*, Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p.